

Гадательная книга облаков МБОУ СОШ № 121

Солнце никого не слушалось: мешало Оленьке-свет-Никитичне вести математику и зачитывать расстрельный список результатов контрольной. Сколько раз родители скидывались на шторы, а так ничего не окнах и не висит. Вот солнце и обнаглело. Во дворе снеговики досрочно праздновали Новый год, а мы сидели смиренно и слушали бесконечное: Кузнецов – три, Макарская – три с вот таким минусом, Черепахина – два, переписывать будешь. Мы накосячили по полной и испортили оценки за четверть. Оленька-свет-Никитична расстроилась до слез: она хотела после уроков устроить нам «веселый классный час» (многие боялись его еще больше, чем контрольной), но теперь передумала. И сказала, что накажет – за всё и всех. И елку из класса уберет, раз мы не ценим ничего. И дежурить нас в каникулы заставит, потому что парты грязные, на полу черные запятые, на окне алоэ засохло.

Мы сначала не поверили в дежурство. Детский труд официально везде запрещен, а крепостное право отменили в девятнадцатом веке. Но Оленька-свет-Никитична уже расчехлила внутреннюю Бабу Ягу, написала на бумажках имена и сказала Сереже Зубанову, клевавшему носом на первой парте: дай шапку. Сережа свою шапку любит, как ценка, и в гардеробе не оставляет. Она у него с логотипом «Зенита» и торжественно лежит на парте. Дежурить будем парами, сразу после Рождества и до выхода с каникул, а потом сколько хватит сил (мы сразу решили, что устроим бунт).

Оленька-свет-Никитична выуживала бумажки по две, и на свет появлялись самые дикие комбинации из людей. Меня поставили дежурить десятого января вместе с... я даже не поверила своим ушам, может, они настроились на сигналы из космоса, а не на Оленьку. Такого быть не может. Короче, мне в пару достался Козлов. С естественным прозвищем Козел. Он его полностью и давно заслужил. Во-первых, он рыжий, но без веснушек – это противозаконно. Во-вторых, у него один зуб хищно растет вбок. А в-третьих, он носит в школу нож-бабочку. Моя подруга Таня, из параллельного, говорит: бандит. Такой и без ножа зарежет. Когда Оленька-свет-Никитична объявила нашу пару, Козлов немедленно уставился на меня, как будто впервые увидел. И глаза сощурил. Типа, держись, Дубова, ты у меня дуба дашь (шутка несмешная, но по классу гуляет).

Все новогодние праздники я была ни жива ни мертва. Даже от бутербродов с икрой отказывалась, потому что они цветом как шевелюра Козлова. После Рождества, когда мы всей семьей съездили на горки, стало полегче. Я решила: с судьбой бороться бесполезно. А нападет – закричу. Девятого упаковала нужное: толстую книгу (отбиваться), ножницы (угрожать). Пока возилась, в комнату затекла Даша, сестра, с замусоленной колодой, предложила погадать. Гадалка из нее так себе, ничего не сбывается. Поэтому я сразу же согласилась. Все время выпадал червонный король. Я присмотрелась к нему – точно Козлов. Только растолстевший и в парике. Я хотела разорвать его в клочки, но Даша обиделась и убежала.

Мы дежурили с двенадцати до двух, в светлое время суток. Оленька-свет-Никитична боится за нашу безопасность и говорит: по темноте не шляться. Козлову это, конечно, до фонаря. Его то и дело замечают вечером в гаражах. Есть теория, что он вампир, только несимпатичный. Из обычных, дворовых вампиров. Поэтому и зуб растет особенный, кровососущий.

Охранник увидел меня и чуть в обморок не упал. Ты, сказал, чего приперлась, очень школу любишь? Я ему ответила, что все вопросы к Оленьке, а мне нужна тряпка и ведро. Охранник показал на каморку технички. Ведер там было сразу пять, я взяла пластиковое, красивое, с грибами на боку. И несколько тряпочек – на случай, если Козлов тоже захочет оттереть пару парт (нет).

В школе было тихо. Только сейчас я поняла, какие у нас длинные коридоры – когда не забиты малышней, они бесконечные, как тоннели. Идут в никуда, в темноту. И в классах эхо. Мрачное, зловещее запустенье. На минуту мне показалось, что люди на Земле исчезли, и я ищу хоть кого-то в этой жуткой мертвой школе. Одна. Навсегда одна.

– Ты чего плачешь?

Я чуть не взвизгнула. Козлов подкрался из смежного коридора. Стоял растерянный, в спортивном костюме, с ведром и тряпкой. И волосы в разные стороны, как будто его током дернуло.

– Я не плачу, – сказала я. – А ты меня напугал.

Он пожал плечами. Извиняться, конечно, не в его стиле. Мы вошли в класс и поставили ведра у входа. Было душно, жарко и почти уютно. Оленька-свет-Никитична, хоть и покушалась на елку, но все-таки оставила ее в покое. Я включила огоньки. Козлов сходил с двумя ведрами в туалет за водой. Мы принялись чистить парты, потом по очереди отскабливали ножницами присохшую жвачку. И я подумала, что за каникулы Козлова вполне

могли подменить. Например, настоящего украли пришельцы, а этого оставили взамен. Чтобы полиция не беспокоилась. Только пришельцы не учли, что настоящий Козлов ухмыляется, пинает мусорки и говорит матом. Этот, фальшивый, молчал и только иногда грустно посматривал на меня. Трудолюбиво оттирал с последней парты первого ряда надпись: «Славик псина подзаборная».

Мигала елка. Тряпка в моей руке была теплой, почти живой. Школа тихо дышала. Время медленно текло через крохотную дырочку в наших классных часах.

Козлов повесил тряпку на ведро, подошел к окну и сел на парту. Наверное, решил, что с него хватит. Ссутулился, спортивка натянулась между острыми лопатками. Получился батут. Мне вдруг захотелось попружинить на нем пальцем, и я подобралась к Козлову поближе. Он оглянулся:

– Чего надо?

– Можно сяду? – спросила я.

Он неопределенно мотнул головой. Я села. Мы стали смотреть в окно, на белые облака, которые заляпали небо. Я подумала: окно – это раскрытая посередине книга, и, если поднапрячься, поймешь, что в ней написано. Строчки были кривые, как в моей тетради, и бежали вверх. Полосатые мелкие облака складывались в стихи. Как-то раз мы с Дашей гадали на томике поэзии – он сам на нас выпал из шкафа. Можно погадать на оконной книге облаков. Круглое облако – к удаче на контрольной, разлапистое – к письму, темное – к неприятностям.

Я зажмурилась и мысленно спросила облака, что впереди. Буду ли я счастлива? Перед глазами кружили разноцветные яркие пятна. И Козлов рядом был горячий, как батарея. Сердце колотилось на убой. Я открыла глаза. Облака сбежались вместе, словно обнимались напоследок.

– Спишь? – спросил Козлов.

У него серые глаза. Как новое облако, которое медленно вползало в мою оконную книгу.

– Почти, – соврала я. – Не выпалась.

И подумала: сейчас начнется. Тупой стендап с шутками ниже плинтуса. Но Козлов хмурился и кривил губы, словно пережевывал несказанные слова.

– Я тоже, – наконец сказал он. – Мать пропала на все выходные. И трубку не берет.

Он развернулся ко мне, и мы стукнулись коленками.

– Понимаешь? – его взгляд был острый, как нож-бабочка. – Ничего ты не понимаешь.

Я схватила Козлова за руку – как могла, крепко. Мы молча читали облака. Вода в ведрах давно остыла. На тропинке, ведущей к школе, кружила поземка. Везде валялись петарды, блестяшки, разноцветный мусор. Праздники закончились. Начиналось таинственное время, когда зима еще есть, но уже как будто и нет, потому что главное в ней произошло. И надо опять возвращаться в школу, исправлять ошибки прошлого года, ходить на секцию и в музыкалку, ждать чего-то, невнятного, смутного, но нужного.

Козлов резко выдохнул, и я как будто очнулась.

– По домам? – спросил он и кивнул на дверь.

Мы вылили воду, закрыли класс и пошли вниз. Охранник зевал и чесался.

– Надраили до блеска? – спросил он. – Чистота – залог здоровья!

Козлов недобро глянул на него, но ничего не сказал. Мы вошли в каморку технички. Какая теснота все же! Швабры, щетки, метлы. Может, техничка ведьма? Колдует тут одна, а ночью летает над школой. Сердце продолжало биться о ребра – я даже решила, что заболела. Руки тряслись. Сзади, за спиной – стоял он. Близко очень. И я подумала: вдруг обнимет? Что тогда? Что бывает с людьми, которых обнимают?

Я почувствовала движение воздуха, как будто он поднял руки, чтобы прикоснуться. И ничего. Только я и мое сердце. Бах, бах, бах. Я буду счастлива. Но, видимо, не сегодня.

Козлов быстрым шагом направился к выходу из школы. Не попрощался.

Я вышла на крыльцо и подумала: если насчитаю семь облаков, произойдет хорошее. Вернется мама Козлова, навсегда отменят контрольные, настанет лето.

Пусть будут облака!